

ВЛАДИМИР АРИСТОВИЧ ЭНГЕЛЬСОН

ПИСЬМА В.А. ЭНГЕЛЬСОНА ГЕРЦЕНУ

Публикация И.Г. Птушкиной

Герцен познакомился с Владимиром Аристовичем Энгельсоном (1821–1857), очевидно, в декабре 1850 г. в Ницце, куда Энгельсон эмигрировал вместе со своей женой Александрой Христофоровной после разгрома кружка Петрашевского, членом которого Энгельсон был.

Вскоре между Герценом и Энгельсоном установились тесные дружеские отношения; постепенно Энгельсон стал своим человеком в доме Герцена.

Характеризуя свои отношения с Энгельсоном, Герцен писал о них в “Былом и думах”: “Человек, о котором идет речь, был мне близок, был мне дорог, он первый обтер глубокие раны, когда они были свежи, он был моим братом, моей сестрой. Она (А.Х. Энгельсон), вряд зная ли, что делает, отдала его от меня. Он стал моим врагом...” (X, 334).

Герцен подробно рассказал историю своих отношений с Энгельсоном и его женой в главе “Энгельсоны” (части пятой “Былого и дум” – “Русские тени”).

Существенно дополняют эту главу письма Энгельсона к Герцену, охватывающие 1852–1855 гг. Два из них опубликованы в Л VII, 72 – 74, 76 – 78 Девятнадцать писем Энгельсона, автографы которых хранятся в Российской государственной библиотеке, частично были опубликованы в Л XIII–XIV, и, полностью, в издании: В. Э н г е л ь с о н. Статьи. Прокламации. Письма (М., 1934).

Публикуемые письма, связанные с семейной драмой Герцена, печатаются по фотокопиям РГБ с автографов ИСГ. Аннотации к ним см. в ЛЖГ II, 102 и 121.

1

(Генуя.) 15 июля (1852 г.)¹

Посылаю вам 2 письма вам, одно Тесье². Скажите только, куда послать портрет Маммели, и Медичи³ немедленно его отправит. Он говорит, что если картина его еще не вполне готова, то надобно бы поместить в ней Биксио, брата знакомого вам англичанина. Это, однако ж, преувеличено, будто Пезотти живого разрезали. Он сам в тюрьме удавился.

Сегодня я устал, оттого не пишется.

Зачем я вас зову все сюда возвратиться? – это ведь только блажь с моей стороны, мне самому придется (и без дела с мерзавцем⁴) съездить в августе в Швейцарию – книг почитать, прохладой насладиться, молока попить. Здесь я от жара совсем выдох.

Медичи просит Эдмонда не наказывать итальянцев переводом, который он грозит сделать, книги нашего генерала. А заглавие, придуманное Эдмондом ко 2-й части или к отдельной главе 2-й части, имеющей заключать в себе прокламацию, – богатышнее! Не поглупел Эдмонд Васильевич!⁵ Кланяемся много ему и Саше; перед Сашей я извиняюсь, что я не отвечал на его письмо особо – ей-богу, некогда было...

Авось вечером, перед отправлением этого письма, получу что-нибудь от вас (последнее ваше от 10-го и 11-го)⁶. Я писал вам 10-го, 11-го, 12-го и 13-го...

Получил я ваше письмо от 13-го. Если генералу хочется, то, пожалуйста, не щадите его и стреляйтесь.

Скажите Эдмонду, что каждое его слово заставляет меня его более и более признавать братом мне.

Что это, Боже мой! значит, что на имя Тесье пришло письмо с надписью “Très pressante”⁷?

^{57*} “Очень срочно” (франц.).

Если неделю отныне от вас не будет писем, я поеду вас отыскивать или ваш труп. – За отомщение можете положиться на полковника⁷, как на Эдмонда...

Говорить больше нечего. Вот возвращусь в Албаро, сообщу письмо ваше Медици – он шибко взбесится на генерала, на которого он и без того и зуб имеет крепкий. (Это остается между нами.) А, впрочем, что же! слава Богу! все идет, как нужно: “оплеуха дана⁸ – прокламации не будет – Орсини отходит (ловко!) в сторону – ну и слава Богу! А двум смертям не бывать, одной не миновать^{58*}”.

¹ Герцен с сыном и М.-Э. Тесье дню Моте уехали из Генуи 20 июня 1852 г.; Энгельсон с женой остался в Генуе до конца августа (см. XXIV, 332). Письмо Энгельсона адресовано, вероятно, в Люцерн.

² Энгельсон пересылал Герцену письма, полученные на его имя в Генуе. О чьих письмах идет речь, остается неизвестным.

³ С Дж. Медици Герцен познакомился в Женеве в конце августа 1849 г., а сблизился в 1852 г., когда находился в Генуе (см. X, 76–78; XXIV, 286).

⁴ Имеется в виду Г. Гервег.

⁵ Очевидно, “мемуар” “генерала” Э. Гауга, написанный в защиту Герцена от клеветы Гервега. К.-Э. Хоецкий (Эдмонд), вероятно, намеревался перевести этот документ на итальянский язык, однако Герцен был против его распространения, просил Гауга не печатать его, а, получив от Гауга тетрадь с этим “мемуаром”, перед отъездом в Лондон сжег ее (см. X, 309 – 310).

⁶ Это письмо Герцена к Энгельсону остается неизвестным.

⁷ Полковник – прозвище Энгельсона.

⁸ Речь идет о пощечине, данной Гаугом Гервегу (см. X, 305 – 307).

2

(Генуя.) 16 ноября (1852 г.)

Долго писал я вам длинное письмо, всё уговаривая вас дать вашему мемуару более широкий объем. Я писал, – писал, – перечитал, нашел, что я вместо простого дружеского письма незаметно увлекся в сочинение литературной статейки, в которой я пресерьозно излагал вам вещи, столько же вам присущие, сколько мне самому; зная, что нет ничего неприятнее, чем видеть разглагольствования вместо простого дружеского слова, я с досадой сжег произведение моего тщеславия. На другой день я получил письмо от Т(есье), который пишет мне об вас: “Il écrit ses mémoires. Le pluriel l’a emporté sur le singulier, et je suis heureux, comme vous pouviez l’être, de cette victoire grammaticale”^{59*}. Следовательно, мне и нечего было петь вам на эту тему. Только два слова об этом. – Вы, я уверен, понимаете, что мне, которому ваша память, быть может, дороже вашей дружбы, чрезвычайно важно [было], какую форму вы дадите своей записке. – Русский, и притом именно москвич с ног до головы, вы (так, по крайней мере, мне кажется; поправьте, если я ошибаюсь) – вы желали или желаете еще и теперь, чтоб мерзавец был “выдан” вам “головой” тем миром, к которому он себя причисляет. Поэтому вы имели намерение написать нечто вроде обвинительного акта, жалобной деловой записки, адресованной к старшинам того мира. Тут еще нет ничего дурного, но лишь если такой ваш мемуар не будет напечатан, если он останется между несколькими людьми, а не выйдет в большой свет. – Публично же обращаться как к судьям к таким людям, у которых нет власти, нет силы, чтоб приводить в исполнение свои приговоры, – это только ставить их в затруднительное положение и обнаружить их бессилие еще раз. (Не сообщайте моих слов генералу, он, пожалуй, перетолкует их в дурную сторону.) Притом же вы писали в Женеву, что, когда В.* вас спросил: подчинитесь ли вы приговору, который положит суд? – вы отвечали, что вы не хотите связывать себя этим приговором¹. – От этого мира вы, я думаю, ожидаете только одно: отлучение мерзавца² от общества. – Это одна цель, но у нас еще другая: реабилитация памя-

^{58*} В конце письма зачеркнуто: Но лучше не тотчас, не теперь с генералом стреляться – не в Швейцарии. – Ред.

^{59*} “Он пишет свои мемуары. Множественное число взяло в нем верх над единственным, и я счастлив, как вы могли бы быть счастливы этой грамматической победой” (франц.).

ти жертвы³ и заклеивание памяти мерзавца. Обе эти цели вместе могут быть достигнуты вашим пером. Но, чтоб заклеить его навеки веков, надобно начертать его поступок на пирамиде с широким основанием, т.е. надобно описать мерзавца в творении, имеющем какой-либо общеисторический интерес и которое не забывается две недели спустя после выхода из печати⁴. – В таком сочинении вы адресуетесь к большой публике, где подле друзей ваших стоят и ненавистники ваши и огромное число равнодушных. Поэтому было бы неосторожно начать в *rebus medis*^{60*}; пусть читатель сам запомнит тот эпизод, который вы хотите, чтоб остался в памяти, а для этого, прежде всего, не надобно дать понять читателю, что вы желаете обратить его внимание именно на такой-то пункт.

За содержанием, материалом у вас дело не станет: нетрудно *relever*^{61*} общую сторону этой комедии двух русских с двумя [немецкими] европейскими^{62*} существами 19-го века. Этого хватило бы на интереснейшую драму. – Но я знаю, вас съедает нетерпение, вы торопитесь, а такое сочинение требует времени. Да лучше редко или поздно, да метко, чем второпях, да неудачно. К тому же, вы не будете в проигрыше оттого, что еще полгода или год пройдет до выхода ваших мемуаров: мерзавец успеет, между тем, ознаменовать себя еще какою-нибудь плутнею против новых своих приятелей, – я разумею этого Вилле. Уж и так вон бородач ниццкий⁵ писал мне следующие слова: “О Джорджо! браво, брависсимо! если б я вам рассказал его штуку, я уверен, что вы расхохотались бы, как сумасшедший, но это не годится передавать письменно”. – Должно же быть, что он что-либо выкинул, и не во вред нам, а себе (потому что иначе не было бы чему смеяться). Зная натуру бородача, я, после его отказа рассказать мне, в чем состоит новый подвиг мерзавца, не могу расспрашивать его (бородача). Вообще показывать, что мерзавец нас занимает, – нельзя большей части наших приятелей, которые готовы видеть в такой *gréoccupation* – *un manque de dignité*^{63*}. Я скажу только, что не нужно о нем теперь заботиться.

Благодарю вас за ваш зов в Лондон. Теперь мне туда переселиться разорительно: я нанял квартиру до мая. Живу я настоящим анахоретом, эти дни меня измучила лихорадка, – всё мое развлечение состоит в пистолетной стрельбе, теперь я учусь стрелять левой рукой, и идет удачно; потом буду учиться фехтовать. Читаю несколько, хандрю, сплю страшно много, но дурно, а не на что мне жаловаться! – Пожалуста, не умирайте, хоть из вежливости против просящих вас о том друзей. Александр⁶ вам кланяется. Франсуа⁷ и я тоже Саше.

¹ Вероятно, речь идет о не дошедшем до нас письме к К. Фогту. Кто В.*, не установлено.

² См. прим. 4 к п. I наст. публикации.

³ Подразумевается Н.А. Герцен, покойная жена Герцена.

⁴ Это мнение Энгельсона совпало с решением Герцена, начавшего работу над “Былым и думами” (см. ЛЖГ II, 118).

⁵ Лицо не выясненное.

⁶ А.Х.Энгельсон, жена автора письма.

⁷ Франсуа – повар в семье Герцена.

^{60*} заурядных обстоятельствах (*лат.*).

^{61*} представить в ярком цвете (*франц.*).

^{62*} Боюсь сказать: немецкими, – генерал рассердится. – *Прим. Энгельсона.*

^{63*} озабоченности – отсутствие достоинства (*франц.*).